

Александр Александрович Тамоников
Жестокое перемирие
Серия «Донбасс»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9747889
Жестокое перемирие / Александр Тамоников: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-80607-2

Аннотация

Восточная Украина, 70 километров от Донецка. Бывший капитан милиции Андрей Окуленко, воспользовавшись объявленным перемирием, отправляет в Россию жену и маленькую дочь. Семья офицера выезжает из города и тотчас погибает под внезапным залпом украинских самоходных установок. Андрей остается один, его жизнь разбита, терять ему уже нечего. И в душе горит лютое, неудержимое желание наказать убийц. Он собирает небольшую группу ополченцев и скрытно отправляется в тыл позиций хунты, чтобы уничтожить артиллерийские установки. Задача невероятно сложная, а шансов вернуться живыми – почти нет...

Александр Тамоников

Жестокое перемирие

© Тамоников А., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Все, изложенное в книге, является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.
А. Тамоников

Глава 1

Видавший виды микроавтобус вывернул с улицы Лазаренко на Кавалерийскую, и водитель резко затормозил. Проезд, и без того суженный ввиду обилия строительного мусора, оказался полностью перегорожен поваленным деревом. Пассажиры в салоне заволновались. Старшим среди них был полковник запаса Марчук, начальник гарнизона. Один глаз у этого плечистого пятидесятилетнего мужчины был заклеен, за что он и получил вполне логичный позывной Циклоп.

Марчук выругался сквозь зубы и заявил:

– Развели, понимаешь, бардак!.. Бойцы, оттащить немедленно!

Бывалые ополченцы в бронежилетах, составлявшие его личную охрану, кинулись исполнять приказание.

Но тут встрепенулся начштаба гарнизона, худощавый, гладко выбритый подполковник Сергеев, который сидел рядом с водителем:

– Николай Николаевич, не рекомендую! Береженого, как говорится... Проедем по соседней улице. Врубай заднюю, Михеич! – приказал он водителю, и тот послушно закрипел рычагом трансмиссии.

Полковник Марчук не стал настаивать. Он не был упрямым и дуболомом. Охрана вернулась на свои места. Бойцы передернули затворы, держали окна.

Отползла за угол Кавалерийская улица, сильно разрушенная бомбежкой – остовы двухэтажных барачных корпусов, искореженная котельная. Проплыл мимо взорванный цех завода насосных установок – такое впечатление, что его подняли в воздух, потрясли и поставили обратно. Все окружающее пространство было завалено мусором, обломками строений. Украинская артиллерия в этом районе трудилась с таким упоением, словно ее мишенью был вражеский укрепрайон, а не мирные объекты.

Люди в поле зрения не попадались. Улица давно считалась нежилой. Михеич покусывал свою непревзойденную гордость – рыжие усы, побитые сединой, – и энергично вертел баранку. Он переключился на первую передачу, и микроавтобус скрылся за углом.

В это время начштаба вполголоса критиковал своего босса за неумение обеспечить себе нормальную охрану. В итоге, мол, приходится пугаться каждого дерева.

Через минуту микроавтобус выехал на параллельную улицу Октябрьскую, имевшую такой же плачевный вид. Впрочем, посторонние предметы здесь проезд не загромождали.

– Считаешь, имелись основания, Александр Владимирович? – проворчал Марчук.

– Ни малейшего понятия, Николай Николаевич, – отозвался начштаба. – Проедем тут, не вижу разницы. Район непростой, здесь вполне могут находиться украинские диверсанты под видом местных жителей. А информацию о нашей поездке хохлы могли получить.

– Зеленое какое-то дерево. Обратили внимание, товарищ полковник? – задумчиво проговорил Михеич. – У давно поваленного листа пожухли бы. Нет, я ничего не хочу сказать, но два дня уже не было обстрелов, развалины – как бы это сказать-то? – вылежались, что ли. А деревце как новенькое.

– Ладно, не бурчи, Михеич. – Марчук поморщился. – Крути свою баранку, Шерлок Холмс, блин.

Бойцы внимательно осматривали проплывающие развалины. Северные районы Ломова, над которыми усиленно потрудились вражеская артиллерия, производили гнетущее впечатление. Они лежали в руинах, практически все здания были разрушены.

Микроавтобус проехал мимо школы, в которой пробило крышу и начисто вынесло оконные проемы. Осталась за бортом местная бойлерная. Такое ощущение, что ее вместе с трубами вывернули наизнанку. Михеич прибавил скорость, пронесся мимо крохотного сквера, который после бомбежки стал еще меньше. На уцелевших деревьях желтела листва. На дворе сентябрь, шестнадцатое число, десятый день от начала так называемого перемирия, объявленного киевскими властями.

– Михеич, куда несешься? – проворчал один из бойцов, хватаясь за ручку над головой.

Маневр водителя оказался не очень удачным, и машину подбросило.

– Расшибешь нас всех к едрене фене!..

– Тут и сказке конец, – пошутил другой.

– Ага, дома не успевают отражаться в зеркале заднего вида, – сострил третий.

– Мертвые они, – проворчал сквозь зубы Михеич. – Призраки, оттого и не отражаются.

– Разговорчики, бойцы! – бросил Марчук. – Михеич, а ты действительно несешься как угорелый. Испугался чего?

Водитель снизил скорость перед мостом через местную речушку-переплывку Кижич. Дважды переправа была разрушена, и каждый раз самодеятельные инженеры Марчука ее восстанавливали – благо пролет был от силы метров восемь. Скрипели, гнулись опоры, опутанные сварными швами.

Далее разрушения носили sporadичный характер. Хотя и из этого района, именуемого Закаменка, большинство жителей давно эвакуировалось.

Город Ломов, расположенный в семидесяти верстах от Донецка и напичканный заводами и фабриками, считался крупным населенным пунктом. До войны в нем проживало порядка ста тысяч человек. Он был растянут между перелесками, холмами и пустырями.

В начале августа отсюда были выбиты украинские войска. Власть перешла к представителям непризнанной республики. Ее оплотом стал тысячный гарнизон армии ДНР под командованием полковника запаса Марчука. На северных рубежах возводился укрепайон, зарывалась в землю техника. Но приказа наступать ополченцы так и не дождались. Ломов превратился в пограничный город.

Украинские войска далеко не ушли. Они оборудовали позиции в десяти километрах от Ломова, за холмисто-лесистой местностью под названием Бугры. Позиции там занимала моторизованная бригада ВСУ под командованием полковника Рынкевича. Подтягивались танки и пехота. Кадровых военнослужащих разбавила рота добровольческого батальона «Днепр#4».

Имелся в бригаде и взвод САУ «Акация». Именно это подразделение доставляло горожанам и ополченцам нешуточные проблемы.

Силовикам повезло. В их безраздельном распоряжении оказалась территория бывшей части ПВО украинских вооруженных сил, расположенная за селом Пастушым. Само-

ходки стояли в защищенных капонирах, имея возможность ежедневно отходить в подземные ангары. С первого же дня на Ломов обрушился массированный огонь САУ. Артиллеристы не разбирались, военные объекты перед ними или гражданские. Доставалось всем.

Ополченцы зарывались в землю, их потери были минимальны, а вот гражданским доставалось. Северные районы Ломова представляли собой постапокалиптический пейзаж. Счет жертв шел на многие десятки, спасатели не успевали справляться. Выжившие покидали этот район, переезжали к знакомым или родственникам в южную часть города. Но и туда иногда залетали снаряды – уберечься от них было невозможно.

Дефицита боеприпасов украинские «канониры» не испытывали. Подавить огневые точки на высоте у ополченцев не получалось, невзирая на все усилия.

После объявления перемирия артобстрелы продолжались, пусть с меньшей интенсивностью, но с той же жестокостью и малой избирательностью. Предугадать их начало было невозможно. Это могли быть день, утро, глубокая ночь.

После таких вот опустошительных акций полковник собирал в кулак все, что имел. Артиллерия, минометы, взвод самоходок «Нона» неоднократно обрабатывали высоту, но все было тщетно. Бывшая часть ПВО занимала обширную территорию, «Акации» уползали в подземные ангары, постоянно меняли дислокацию.

Переходить в наступление приказа не было, попытки проникнуть в тыл противника завершались неудачами. Для командования ополченцев клятая высота за селом Пастушым стала непрекращающейся, вечно зудящей головной болью.

Впрочем, на боеспособность гарнизона артобстрелы почти не влияли. Что и подтвердила сегодняшняя инспекция. Северные предместья Ломова и пути возможных фланговых обходов прикрывались бойцами комбата Пахарева и мобильными группами капитана Костенко. Укрепления нареканий не вызывали, боевое дежурство велось грамотно.

Командиров ополчения удручало лишь состояние самого города. Жителей в северной части и Закаменке почти не осталось – одни сами ушли, других вывезли. Электричество, водоснабжение и канализация не работали. В домах промышляли мародеры и прочие «сталкеры», особенно в ночное время.

Мини-вэн лишь внешне выглядел беспомощным и малосильным. Нещадно эксплуатируя форсированный двигатель, Михеич свернул с Октябрьской на Танковую, где разрушения носили частичный характер. Он чуть не проглядел разверзшийся колодец и повернул лишь в самый последний момент. Машина напоролась на огрызок кирпичной кладки, скованный цементом, и подпрыгнула. Завизжали тормоза.

Михеич смущенно хмыкнул и заявил:

– Виноват, исправлюсь. – Он засмеялся, обнажив прокуренные зубы. – Ей-богу, нет в природе такого препятствия, которое нельзя обmaterить! Вынужденная остановка, товарищ полковник, – мы колесо пробили.

Пассажиры недовольно зароптали. Ополченцы, гремя амуницией, стали покидать салон и занимать позиции вокруг автомобиля – благо на улице хватало «естественных» укрытий.

– Допляшешься ты у меня когда-нибудь, Михеич! – Марчук сокрушенно вздохнул и взглянул на насупившегося начштаба. – Выходим, Александр Владимирович, перекурим. Михеич, бери бойца, и чтобы через минуту все было как надо!

– Есть, товарищ полковник! – Водитель спрыгнул на землю, побежал к заднему отсеку мини-вэна.

Полковник выбрался на проезжую часть, заваленную мусором. За ним спрыгнул Сергеев, с опаской покосился на раздувшийся колодец и щелкнул зажигалкой, едва Марчук вытряхнул из пачки сигарету. Но не успели они насладиться дымом, как на задворках трех-

этажки, застывшей памятником скорби, что-то с гулом упало. Ополченцы насторожились, вскинули автоматы. Рука начштаба машинально потянулась к кобуре.

– Памятник Ленину упал? – пошутил кто-то.

– Балка перекрытия не выдержала, – сказал другой. – Сейчас и все остальное посыплется.

– А вы знаете, что Украина исчезнет, как только на ней упадет последний памятник Ленину? – изрек Михеич, вытаскивая из салона запаску.

– Серьезно? – удивился молодой боец, не понявший, что это была шутка.

Посыпались кирпичи, упал незакрепленный фрагмент стены, и в воздух взвился столб пыли. На другой стороне дороги раздался сдавленный женский вскрик, за ним – звучный топот, потом с хрустом что-то переломилось.

Двое ополченцев прикрыли собой Марчука, вскинули «АК#74». Остальные тоже приготовились стрелять. Только Михеич невозмутимо катил запаску. В бараке, разрушенном лишь частично, что-то происходило. В этой части города оставались живые люди!

На раздавленное крыльцо выбежала женщина в растянутой куртке, растрепанная, с искаженным лицом. Она затравленно озиралась, была не в себе. Трудно не заметить машину и восьмерых мужчин не самого неприметного облика, стоящих в тридцати шагах от тебя.

Следом за ней выбежал какой-то шустрый неказистый тип, давно небритый, с оскаленным ртом. Женщина споткнулась, он прыжками настиг ее, набросил ей на голову засаленную фуфайку. Оба повалились в гору мусора. В этот момент злоумышленник и заметил микроавтобус и группу ополченцев.

Испуг мелькнул в бегающих глазах. Он откатился от женщины, которая лежала неподвижно, зарывшись в месиво из древесины и битых кирпичей.

Мужичок подлетел как на пружинках, метнулся обратно в барак и хрипло выкрикнул:

– Трофим, шухер!

В окне на втором этаже что-то мелькнуло, хлопнул выстрел. Палили из чего-то примитивного, возможно, обреза.

Пострадавших не было, пуля выбила камень из-под ног молодого бойца. Но реакция последовала моментально. В руках ополченцев забились автоматы Калашникова. Град свинца обрушился на второй этаж многострадального барака. Вылетали щепки, крошились оконные рамы.

– Прекратить! – гаркнул Марчук. – Мужики, догнать эту шпану!

Двое бойцов бросились к барaku, влетели в него, загремели по лестнице. Еще двое пустились в обход здания, перепрыгивали через кучи мусора. Михеич оставил в покое свое колесо, сдернул со спины «АКС» и присел за капотом.

Начштаба и полковник, обнажив пистолеты, кинулись к телу. Сергеев повалился на колени, сдернул фуфайку с головы женщины. Он начал бормотать, что это распространенный бандитский прием – набросить что-нибудь на жертву, дезориентировать, запугать до смерти. Марчук единственным здоровым глазом осмотрел оконные проемы над головой и тоже пристроился на корточках.

Молодая особа, подвергшаяся нападению, была жива. Ее трясло, глаза бессмысленно блуждали, ни на ком не останавливаясь. Тяжелый шок был налицо – порванная одежда, кровавые разводы на лице. Не исключено, что ее изнасиловали или пытались это сделать. Возможно, несколько минут назад бандиты лишили жизни кого-то из ее близких.

– Жива, – проговорил начштаба, подкладывая под голову пострадавшей скомканный ватник. – Угроздило нас с тобой нарваться на приключение, Николай Николаевич, вместо того чтобы принимать стратегические решения.

– Ничего, потерпит наша с тобой стратегия, – ответил Марчук.

Подбежал Михеич. Он притащил холщовую сумку с санитарным пакетом и недоуменно уставился на пострадавшую.

Женщина пыталась что-то сказать, но слова застревали у нее в горле. Она вздрогнула, вонзила в землю ногти, на которых еще сохранились следы лака.

Из подъезда вышли два ополченца с обескураженными физиономиями.

– Плохо дело, товарищ полковник, – проговорил один из них. – Эти сволочи успели смыться. Мы даже не знаем, сколько их было. На втором этаже уцелела одна комната. Похоже, там и жили эти несчастные. Почему они отказались уехать вместе со всеми?

– Там кто-то есть? – осведомился полковник.

– Мертвый мужчина – возможно, отец этой женщины, – сообщил второй ополченец. – Поживиться бандиты хотели, обнаружили, что в доме кто-то живет, ворвались. Взять там, понятно, было особо нечего. Старик, похоже, пытался оказать сопротивление. Ему вспороли живот – все в крови. Подонки! – Боец в сердцах сплюнул. – Выжрали бутылку горилки. Вонь по всей комнате!.. Потом эту даму хотели пустить по кругу. Ума не приложу, как она вырвалась.

– На задворках тоже чисто, товарищ полковник, – объявил третий боец, выйдя из-за угла. – Смылась шантрапа.

– Исчезли, как дворники в непогоду, – подтвердил его напарник, шедший сзади. – Знают, что расстреляем без суда и следствия, вот и чешут как зайцы.

– Что за хрень, Александр Владимирович?! – Марчук нахмурился. – Я все понимаю, знаю, что в разрушенных районах бесчинствуют мародеры. Бандиты, убийцы и насильники терроризируют людей, оставшихся здесь. Уследить за всеми мы не можем. Но чтобы с такой наглостью, посреди белого дня, на глазах у начальника гарнизона?.. Вы собираетесь решать эту проблему?

– Решаем, товарищ полковник. – Начштаба немного смутился. – Эта плесень появилась не так давно. По нашей информации, работает несколько банд – бывшие уголовники, прочий сброд. Сначала мы привлекали добровольцев, но проку от них немного, сами понимаете. Введение комендантского часа проблему не снимает. Четыре дня назад решили сформировать усиленный комендантский взвод. Из него выделяются группы для патрулирования проблемных районов. В штате проверенные люди – обстрелянные, надежные, только из местных. Привлекаем офицеров милиции и бойцов спецподразделений. Командует взводом капитан Данилюк. Заместитель – капитан местной милиции Окуленко.

– Это не тот Окуленко, который в мае со своими молодцами не пустил в город колонну бронетехники? – спросил Марчук.

– Он самый, Николай Николаевич. Группа двумя цементовозами перегородила дорогу, а другого проезда не было. Слишком узкие у нас улочки. Укропы потыркались, поняли, что бодаться с этими бегемотами бесполезно, и стали отходить. Ребята Окуленко под шумок выбросили экипажи из двух бэтээров, капитан посадил туда своих людей, и появилась в этот день у ополчения своя бронетехника. Толковый парень этот Окуленко. После того случая ушел с государственной службы, в ополчение записался, все лето воевал. Да, не хватает у нас людей, Николай Николаевич. – Начштаба развел руками. – Патрулируем город только ночью, группами по шесть-семь человек. Мародеры нынче вооруженные пошли. Да и не только они тут орудуют. Хохлы диверсионные группы забрасывают, их тоже нужно выявлять. Вчера подстанцию на Озерной взорвали, а наших рядом не оказалось.

– Ладно, – заявил Марчук и нахмурился. – Напомни к вечеру, решим, кем можно усилить патрули. Михеич! – возмутился он. – Чего шарами хлопаем? Колесо уже стоит? Мы едем или весь день торчать здесь будем по твоей милости?

– Ах да! – Водитель опомнился и, придерживая сумку, убежал менять проколотую резину.

– Женщину в салон, – распорядился начальник гарнизона. – Да нежнее, бойцы, груз хрупкий. Вызывай, Александр Владимирович, бригаду реанимационно-противошоковой группы. Пусть выдвигаются навстречу, за Овражной перегрузим больную. Вы двое!.. – Он ткнул пальцем в заскучавших бойцов. – Осмотреть еще раз все, пока мы тут возимся. И поглядывайте, чтобы эти твари из своих щелей нам в спину не ударили!

Бойцы побежали исполнять приказ. Остальные склонились над пострадавшей. Брать на себя функции медбратьев до приезда специалистов, видимо, не стоило.

Серьезных травм у женщины не было, кровь из порезов уже не сочилась. Налицо был тяжелый эмоциональный шок, чреватый психическими отклонениями.

Осажденный город окутывали легкие сумерки. Сизая дымка штриховала развалины и уцелевшие строения.

Визгливо, мерзко затрещало сочленение деревянных конструкций. Испуганно охнув, щуплый субъект с гибким гуттаперчевым телом перемахнул через перила и покатился по полу. Ругнувшись, от лестницы отшатнулся второй, приземистый, плечистый.

Они среагировали вовремя. Еще мгновение, и массивная лестница, ведущая на второй этаж добротного особняка, похоронила бы обоих. Она держалась на соплях и разбилась с оглушительным треском. Развалились ступени, разлетелись перила, унизанные гвоздями. Пыль взметнулась столбом.

Люди кашляли, отползая в угол, плевались матерками. Со стороны дом казался целым, не считая одной просевшей стены. Очевидно, к ней и примыкали перекрытия, на которых держалась лестница.

Грохот смолк, и несколько секунд в доме и вокруг него царила тишина. Стояла лунная ночь. Улица Печатников, сильно разрушенная и брошенная жителями, тоскливо помалкивала.

Осела пыль. Закряхтело, заворочалось тело, съежившееся в углу. Привстал еще один человек. Заскрипела дверь, ведущая в соседнее помещение, оттуда высунулся любопытный нос.

– Братки, вы что, охренели? – послышался сиплый голос, и в холл выбрался сутулый тип с плешью, поблескивающей в полумраке.

На плече он тащил мешок.

Вспыхнул фонарь. Мерклый свет озарил разбившуюся лестницу и дергающееся лицо виновника «торжества».

Этот щуплый небритый тип с бегающими глазами судорожно перекрестился и спросил:

– Юрко, Трофим, вы чего тут творите?

– Кто-то по хлебалу сейчас отхватит, – мрачно пообещал приземистый субъект с отекавшей бычьей физиономией, сжимая кулак, расписанный наколками.

– А чего сразу я-то? – заволновался щуплый субъект явно не благородных кровей, весь разболтанный, нервный. – Я знал, что эта лестница такая? Прохор же поднялся, а я?.. Да ладно, хлопцы, с кем не бывает. Никто сюда не прибежит.

– Кретин!.. – прошипел в дыру со второго этажа помянутый Прохор, физиономия которого напоминала рыбу. – И как я теперь спущусь?

– Нашел что-нибудь? – прошипел широкомордый Трофим.

– Пусто, блин. Такой домина, а взять нечего. Хозяева – жлобы конченные, все ценное увезли. Держите меня, падать буду...

Трое злоумышленников столпились в кучку на обломках упавшей лестницы. Прохор сбросил мешок, в котором что-то звякнуло, слез в дыру, держась за выступ в люке, повис на руках. Подельники схватили его за ноги и все равно не удержали. Все попадали и возились

в обломках, проклиная кривоногого Юрко. Потом братки вывалились на середину холла, стали растирать и ощупывать ушибленные места. Юрко схлопотал от Прохора безобидную, почти дружескую затрещину и не стал обижаться.

Под покровом ночи четверо злоумышленников выскользнули из негостеприимного дома и перебрались на соседний участок. Несколько минут они сидели в зарослях бурьяна, оглядывались и прислушивались. Над вымершей улицей висела глухая тишь. Неподалеку спокойно поскрипывал сверчок. Недавний шум в доме не привлек нежелательного внимания.

– Я ногу чуть не сломал! – посетовал Прохор и повозился в мешке.

Что-то характерно звякнуло. Забулькало пойло, проникая в натруженное горло. Прохор сыто срыгнул, передал бутылку по кругу. Каждый хлебнул и смачно почмокал, выражая одобрение.

– Жить вполне можно, – икнув, сказал Юрко. – А говоришь, что не нашел ничего. Хлопцы, а чего мы тут шифруемся, как воры в Багдаде? Нет никого. Это наш город, мы тут хозяева.

– Заткнись, охламон! – зашипел Трофим, главарь банды. – Гансам из комендатуры будешь объяснять, чей это город, когда они тебя к стенке поставят.

– Трофим прав, – рассудительно заметил Прохор. – Озверели эти террористы окончательно. Пацаны болтают, будто комендантский взвод усиливают, гансы теперь днем и ночью по городу рыщут, нашего брата отлавливают. А как поймают, – сразу к стенке. Так что давайте поосторожнее, хлопцы, комендантский час, как-никак.

– А чего на меня-то уставились? – спросил Юрко и боязливо поежился. – Я как все... – Он глухо хохотнул, перебарывая нервный тик. – На меня и охрана в супермаркетах всегда так смотрела. А что, хлопцы, навар-то есть сегодня? У меня вот ни хрена.

– Посуда кое-какая, – проворчал Прохор.

– Двести гривен взял у старухи, помершей на Октябрьской, – сообщил сутулый лысоватый Ян Горик с блатным погонялом Стручок, освободившийся в марте. – Еще колечко с рубином у нее же. В чулок заныкала, думала, не найдет никто.

– Ну и нормально, – оптимистично заметил Юрко. – Еще не утро, в натуре. Гуляем! Берем, как говорится, побольше, уходим подальше. – Он зашелся мелким отрывистым смехом. – Слышь, братва, а может, еще горилки хапнем?

– Тьма ты некультурная, Юрко, – заявил Прохор и поморщился. – То же не горилка была, а натуральный коньяк из бара...

– Хорош трындеть, заткнули пасти! – оборвал содержательный диалог Трофим.

Над северными районами Ломова царила безраздельная тишина. Даже сверчок угомонился.

Внезапно Юрко Ступия указал пальцем через дорогу и проговорил:

– Смотри, братва, огонек мерцает!..

Подельники всмотрелись, затаив дыхание. На другой стороне улицы в окне частного дома действительно дрожал огонек свечи. Там кто-то ходил и что-то делал. Если какие-то люди не выехали из дома, то у них непременно найдется чем поживиться. Ведь эти обыватели – такие куркули!

– Может, наши шерстят? – предположил Горик.

– Нет! – огрызнулся Трофим. – «Наши» на этой улице – только мы, уясни, Стручок. Да, братва, там кто-то живет. Надо бы прощупать.

– Ага, отловить и ощипать! – сказал Ступия и хищно оскалился.

Стая ночных шакалов перебежала дорогу и затаилась у покосившейся ограды. Затем бандиты по одному проскочили на участок. Дом, как ни странно, уцелел, хотя деревья в саду были повалены. Глубокая воронка поглотила дощатый навес вместе со старенькой «Волгой».

Плешивый Горик подкрался к окну, заглянул в него, махнул рукой. Юрко уже поднялся на крыльцо, выбил щеколду, ворвался внутрь, обнаружил в полумгле лишь пожилую супружескую пару и зацокал языком от разочарования. Кровать стояла в дальнем углу, на ней громоздился ворох одеял. Похоже, женщина вставала, зажигала свечу, и это событие стало роковым! Пожилые люди спали одетыми.

Женщина еще не уснула, натянула одеяло до подбородка. Она увидела незваных гостей и закричала. Мужчина заворочался, застонал. В свете фонаря озарились испуганные лица – опухшие, заспанные.

Супругам было далеко за шестьдесят. Некоторые семьи, особенно пожилые, наотрез отказывались покидать свои жилища. Одни боялись за имущество, другие считали, что ничего ужасного с ними не случится. При бомбежке можно укрыться в подвале. Мужчина спросонья моргал. Женщина попыталась выбраться из кровати, путаясь в полах длинного халата, поверх которого была надета вязаная кофта.

– Тю! Что такое? – Юрко хохотнул и толкнул женщину обратно в кровать. – А ну, лежать, мамахен, и не рыпаться, а то живо на гуляш построгаем!

– Вы кто такие? Что вам надо? – опомнился мужчина, опуская ноги на пол.

– Стручок, разберись с ними, – буркнул Трофим. – А то не умеют себя вести в присутствии гостей.

Плешивый Горик был понятливым. Он схватил мужчину за горло, бросил в угол. Тот ударился головой, застонал. Женщина не успела опомниться, как он схватил ее в охапку, поволок туда же, швырнул на мужа.

Чтобы уж совсем не осталось неясностей, Горик приставил нож к ее горлу и зашипел:

– Молчи, сука! Вякнешь – убью! Да и ты, папаша, не шуми. Учти, второй раз повторять не буду. Сидеть и не шевелиться!

Мужчина обнял трясущуюся супругу. Они с тоской смотрели, как шайка грабителей рыскала по их дому. Налетчики переворачивали мебель, трясли шкафы. Навык они выработали отменный, шума не поднимали.

Семейная пара все же собиралась эвакуироваться, но пока тянула с этим. Многие вещи лежали в пакетах и клеенчатых сумках. Грабители вытрясали на пол старую одежду, какие-то потертые шкатулки, фотографические альбомы. Бандиты наткнулись на горстку дешевой бижутерии, завернутой в носовой платок, и Прохор с презрением рассыпал ее по полу. Юрко догадался спрыгнуть в подвал – не в доме же пенсионеры переживали обстрелы! – вылез оттуда чумазый и разочарованный.

– Где деньги и побрякушки, падлы? – спросил он и, поигрывая ножичком, двинулся к дрожащим пенсионерам.

Те съежились. Мужчина обнимал женщину. Они чуть не задохнулись от страха, когда над ними склонилась оскаленная рожа. Ступия заметил мимолетное движение глаз. Женщина повела ими в сторону погреба непроизвольно, почти случайно. Этот знак был красноречивее некуда.

Ступия заржал, как породистый жеребец, и снова отправился в погреб. За ним полез Трофим. Главарь не питал особого доверия к своему жуликоватому сообщнику. Загрели ведро, баки, блики света заматались по земляному полу. Послышалось довольное урчание. Опять заржал Юрко.

Первым из подземелья выбрался Трофим. Он гаденько ухмылялся и держал в руках разорванный сверток из оберточной бумаги. За ним, высунув язык от предвкушения, вылез подельник.

Добычу бандиты развернули на столе. В свертке оказалась толстая пачка мятых гривен, в основном малого достоинства, но были и сотенные купюры, пара золотых колечек, цепочка

с крестиком, какие-то сережки, брошки, коралловые бусы. Ну, хоть что-то! Не зря провели ночь!

Но не успели опомниться, как женщина издала гортанный вопль, оттолкнула Юрко и бросилась к столу.

– Не трогайте, мерзавцы! Это все, что у нас есть! Как вам не стыдно?!

Плешивый Горик с хохотом без всяких усилий отшвырнул ее обратно. Женщина споткнулась, растянулась на полу. Юрко тоже не удержался, ударился копчиком о печку. Этого парня можно было запросто вывести из равновесия. Он резким движением выхватил нож – со щелчком раскрылось лезвие – и коршуном набросился на жертву. Остальные и опомниться не успели, а он уже начал наносить беспорядочные удары по груди, шее, лицу женщины. Брызгала кровь, рвалась кожа. Бедняжка кричала, пыталась вырваться. Но ее движения постепенно слабели, а очередной удар по шее полностью парализовал жертву. Она застыла, издавала горлом рваные звуки, ритмично вздрагивала. В мутнеющих глазах стояла мольба. Юрко отскочил от нее.

– Нет!.. – выдавил из себя пожилой мужчина, цепenea от ужаса.

Он смотрел на умирающую жену и не мог поверить, что это происходит в реальности. Тут Ступия набросился на него и принялся хлестать ножом. Мужчина, как уж мог, защищался руками.

– Юрко, кончай! – недовольно выкрикнул Трофим.

Откуда столько силы в тощих руках?! Юрко ударил старика в живот, протащил лезвие вверх, разрывая брюшину, потом в сторону и отпрыгнул от тела. Конвульсия пробила умирающего. Юрко тяжело дышал, поигрывал ножичком. Вся горница была в крови. Ступия измазался в ней по уши, но ничего не замечал.

– В натуре, Юрко, ты совсем без комплексов, – опасливо заметил Прохор.

– Выпить дай, – прохрипел убийца.

Выпить было самое время. Прохор извлек бутылку, ловким щелчком распечатал горлышко. Пил не только Юрко, но и все остальные, впадая в азарт. Налетчики нервно хихикали. Трофим перебирал заскорузлыми пальцами ювелирные побрякушки. Вид крови возбуждал бандитов, пьянил еще больше. А ведь ночь только началась.

– Эх, сейчас бы бабу... – мечтательно протянул Горик.

Юрко хищно ослабился. Тема была интересной и актуальной. Гулять, так с размахом.

– Ладно, размечтались, работники ножа и топора, – снисходительно проворчал Трофим.

Он подошел к окну, выходящему на улицу, отогнул шторку. На дороге было тихо.

– Все, хлопцы, забираем товар, рвем когти. Пойдем огородами, чтобы не светиться.

Четыре демона, уже опьяневшие, разгоряченные, жаждущие большей добычи, снова рыскали по округе. Тормоза у них отсутствовали напрочь, даже чувство самосохранения притупилось. Вскоре глазастый Прохор заметил, что из трубы неказистой баньки, окруженной сараями, стелется дымок. Видно, там кто-то жил. В этом не было ничего странного, если учитывать плачевное состояние дома, стоявшего на данном участке.

Преступники залегли в бурьяне. Сомнительно, чтобы ночью кто-то топил печку. Да и дымок был какой-то жиденький.

Очевидно, какие-то люди с вечера как следует прогрели баньку, и угли еще не угасли. Ночи в середине сентября не самые теплые.

– Чую, хлопцы, что ждет нас знатная гулянка, – пробормотал Юрко, потягивая носом.

– Лишь бы не дальняя дорога и казенный дом, – заявил Трофим и скабрезно ухмыльнулся.

Бандиты, пригибаясь, перебежали по грядкам, на цыпочках подошли к баньке и включили фонари. Ни щеколды, ни замка на двери не оказалось. А внутри все было как на заказ. Бандитам даже не верилось в такую удачу.

Ступия довольно усмехнулся. В баньке ночевали женщина с девочкой. Вероятно, мать и дочь. Уму непостижимо, как эти бедняжки тут оказались! Впрочем, у людей свои причины и мотивы. На полу лежали несколько матрасов, спальных мешков и одеял. Будущие жертвы бандитов спали одетыми.

Трофим ощерился, приложил палец к губам. Злоумышленники сгрудились над постелью. Юрко подрагивал от нетерпения, пускал слюну.

Женщине было немного за тридцать. Бледнокожая, с отеком лица и невымытыми волосами, она обнимала девочку лет двенадцати. Та посапывала, слюна пузырилась на припухших губах. Обе крепко спали, но очнулись, когда Прохор щелкнул рычажком на фонаре и в лица им ударил яркий свет. Женщина распахнула глаза, под которыми набухли мешки, и задрожала от страха. Девочка испуганно ойкнула.

– Да, могли бы и покрасивше, – заметил Прохор. – Недоедают они, что ли?

– Да нормально, с пивом потянет, – оскалился Юрко. – Где сейчас найти писаных красавиц? Голодные вы наши! А мы вас накормим! – выкрикнул он, хватая дернувшуюся женщину за волосы. – Прямо сейчас и начнем.

– Секс в обмен на продовольствие! – заявил Горик, цепляя за шиворот девочку, собравшуюся улизнуть.

Началась омерзительная потеха! Затуманенные мозги бандитов окончательно перестали соображать. Работали животные инстинкты.

Вакханалия продолжалась долго. Закончилась она тем, что пресытившийся Трофим, икая от смеха, взял у Горика нож и перерезал горло несчастной женщине под возгласы одобрения.

– Недолго мучилась старушка! – нетрезво прокомментировал Юрко, поиграл ножичком и выразительно глянул на девочку, лежащую без сознания.

Дескать, делу время, потехе час.

– Прохор, может, ты ее кончишь? – Юрко протянул перо сообщнику. – Не век же нам с Трофимом отдуваться? Или ты, Стручок?

– Спасибо, – Горика передернуло. – Давай уж сам, Юрко, у тебя рука набита. А я пойду до ветра. – Отдуваясь, он направился к двери, вышел на крыльцо, но буквально в следующий же миг с вытаращенными глазами влетел обратно и захлебнулся воплем:

– Трофим, атас, гансы!

– Тихо, мужики! – Бывший капитан милиции Андрей Окуленко резко остановился и повернул голову.

Бойцы патрульной группы тоже встали, глядя на командира. Его очертания на фоне звездного неба напоминали силуэт хищника, готового к броску. Накачанный торс без капли жира, обтянутый камуфляжем, кулак, сжимающий ремень «АКС», четкий греко-римский профиль.

Ночь была на удивление тихой. Украинские артиллеристы уже третьи сутки подряд выдерживали загадочную паузу.

Полчаса назад патрульная группа комендантского взвода вышла к северным улицам Ломова и пока проверила лишь одну – Раздольную. Район вымер. Редкие жители попрятались по подвалам и сараям. Подозрительные личности дорогу не перебежали. Несколько минут назад по примыкающей улице проследовала машина с единственной работающей фарой, предположительно «Жигули». Гнаться за ней патрульные не стали. Не всякий нару-

шитель комендантского часа – злостный криминальный элемент. Разные причины у людей. Может, в больницу кому-то надо?..

– Услышал чего, командир? – насторожился Сергей Липник, рано облысевший жилистый субъект с крючковатым носом и желчным отношением к окружающей среде.

– Нет, почудилось, – пробормотал молодой русоволосый Пашка Дорофеев, на всякий случай снимая автомат с плеча.

– Черта с два почудилось! – проговорил подтянутый обладатель модельной внешности Леонид Голуб и тоже повернул ухо по ветру. – Вроде кричал кто-то.

– Да тихо вы! – разозлился Андрей, и подчиненные замолчали.

Где-то далеко действительно глухо и надрывно вопила женщина. Явно не рожала и не песни пела. Крик был отчаянный, наполненный болью и безысходностью. Он прозвучал еще раз и оборвался. Какая-то беда приключилась на соседней Октябрьской улице. Глухой звук свидетельствовал о том, что женщина кричала не на улице, а в доме.

Андрей завертел головой. В разрушенной, оставленной населением части города была странная акустика. Хотя он понимал, в какой стороне кричали – на северо-западе.

– Да мало ли... – неуверенно начал Дорофеев.

Андрей издал условный свист. Из переулка шустро выбрались еще двое – грузный, но на редкость быстроногий Костюк и обманчиво добродушный, не способный похвастаться ростом Савельев.

– Все пучком, командир, – приглушенно сообщил этот коротышка. – Думали, в подвале магазина кто-то прячется. Проверено – никого там нет...

– Вы двое – на Октябрьскую! – перебил его Андрей. – В обход, через Каштановый переулок. Кричала женщина. Всех, кого встретите, задерживать. И пулей, мужики! Если что, мы возьмем их в клещи.

Двое побежали в обход, чтобы с запада попасть на Октябрьскую. Окуленко повел остальных ближайшим проулком. Отчаянный вопль вновь прорезал воздух и оборвался, едва возникнув.

Чертова акустика! Теперь начальник патруля не был точно уверен в том, где это происходило, и невольно ускорился. Товарищи не отставали, топали, наступая на пятки. Он мог не оборачиваться, знал, что они всегда рядом. Андрей доверял им, как самому себе. Лично отобранные, подготовленные, не первый день в ополчении, все работали до войны в милицеских структурах. Не сказать, что безгрешные, как апостолы, но свои, надежные.

«Не подведи же, интуиция!» – взмолился Окуленко.

Но она решила подшутить. Четверо выбежали из переулка на одном конце Октябрьской, двое – на другом. Связь по рации, а толку? Отрезок в четыреста метров застроен частными домами, большая часть которых разрушена. Искать уцелевшее здание?

Проблема заключалась в том, что капитан Окуленко всегда очень уж добросовестно относился к исполнению своих обязанностей. Иначе не мог. Если какие-то мерзавцы вновь терроризируют мирных жителей, оставшихся в жилище!..

Патрульные бежали вдоль обочины, прижимаясь к заборам, не светясь на проезжей части. Крики прекратились, что вряд ли означало приятные известия.

Костюк информировал по рации: идут навстречу, осмотрели два дома – все чисто. «Отконтролили», – витиевато выразился боец.

На восточной стороне осматриваемой зоны тоже не замечалось никаких подсказок. Остовы домов выделялись на иссиня-черном небе. Кричали где-то здесь.

Плюнуть, забыть? Но нет, Андрей чувствовал, что под покровом ночи снова орудует банда мародеров, оставляющая после себя жирный кровавый след. Он застыл, повернул нос по ветру. Глаза шныряли по округе, цеплялись за каждую шероховатость в пространстве.

Он припустил вперед, указал пальцем на относительно целую хату за палисадником, покрутил им в воздухе. Сразу же двое бойцов отделились от цепочки, просочились на территорию. Через пару минут они пристроились обратно – нет, пустышка.

Вдруг у командира участилось сердцебиение, капля пота поползла по переносице. Проснулась интуиция. Он пристально смотрел на бревенчатый дом за оградой из хрупкого штакетника. На первый взгляд жилье как будто устояло под обстрелами, даже крыша не поехала. Андрей сделал знак остановиться, всматривался в темноту. Выделялось громоздкое крыльцо. Кажется, дверь открыта.

Снова круговое движение. Голуб и Липник без слов поняли командира, нырнули на соседний участок, двинулись в обход строения. Несколько «ласковых слов» в рацию, и Савельев с Костюком ускорились, возникли в поле зрения. Стремительная атака на пару с Пашкой Дорофеевым – тропа, заросшая бурьяном, крыльцо, которое и при жизни-то требовало сноса, молниеносный взлет на него с фонарем на полную яркость, чтобы ослепить врага...

От досады Андрей чуть стол не разнес ребром ладони. Не успели! Несчастные пенсионеры... Вся горница была залита кровью. Тела еще не остыли, более того – пожилая женщина подавала признаки жизни. Впрочем, весьма условные. Тело подрагивало, подушечки пальцев судорожно поглаживали пол.

Андрей опустил на колени, проверил пульс. Его уже не было, налитые кровью глаза превращались в ледышки. Ее супруг был мертв, лежал на боку, из разорванного живота вываливались внутренности. В доме царил беспорядок, крышка подвала была отброшена. Туда едва не свалился Ленка Голуб, ворвавшийся в дом вслед за первой парой.

– Вот сволочи! – ахнул он, с ужасом таращась на тела. – Да кто же их так? Бедные старики...

Андрей остановил дальнейшее словоизлияние резким рыком:

– Голуб, Костюк, Савельев – на улицу, все там осмотреть! Стариков убили несколько минут назад, преступники не могли далеко уйти. И под пули не лезьте, а то знаю я вас!..

Трое выбежали на улицу. Прыгающий свет фонарей озарял горницу, разбросанные вещи, серые мертвые лица.

Липник хищно потянул носом.

– Спиртным пахнет. Вот же мать их, они еще и погуляли!

Дорофеев споткнулся о пустую бутылку, выругался, осветил находку.

– Коньяк потребляли, падлы. Дворяне, блин!

– Что украли, то и пили, – пробормотал Окуленко, поднимаясь с корточек. – Мужики, не топчитесь, смойтесь куда-нибудь. Понятно, что не поможет, но и следы затапывать не дело. Нутром чую, наша клиентура работает – те, что давеча обнесли интернат на Крещенской, попутно прирезав сторожа.

Милицейское прошлое не оставляло Андрея в покое. Он с фонарем бродил по горнице, пытался представить, что здесь произошло. Что-то скрипнуло под ногой, он нагнулся, поднял раздавленную сережку с капелькой рубина. Нашли «сокровища», уроды!.. Все понятно. Налетели на спящих, учинили шмон, отыскивали деньги с побрякушками, устроили на радостях ночь длинных ножей с попутным возлиянием.

В дверь всунулся возбужденный Савельев.

– Мужики, они еще здесь!.. – Он заикался от волнения.

Патрульные бросились на улицу, скидывая с плеч автоматы. В этот час еще кому-то крупно не повезло.

Где-то за дровяными сараями, видимо, на соседнем участке, глухо кричала женщина. Вопль оборвался, загорланили мужчины. Они хохотали, весело матюгались. Недалеко ушли, сволочи, нашли себе новое развлечение!

Голуб с Костюком уже неслись по огороду, перепрыгивая через поваленные деревья. Остальные припустили следом. Цель – банька, примостившаяся за сараями. Оттуда и доносились крики. На крыльцо кто-то вывалился, в темноте блеснули глаза. Мужик застыл, как кролик под взглядом удава, потом дернулся, словно припадный. С перепуга, вместо того чтобы бежать за угол, он шмыгнул обратно в баню и что-то надрывно прокричал. Голуб ворвался внутрь, наступая ему на пятки, ударом ноги отбросил дверь. И снова кровь, опять жертвы!

Метались бандиты, захваченные врасплох. Худосочный небритый тип кинулся в угол, соорудил на физиономии страдающую мину и начал махать ножом, тонким, как стилет. Андрей закачался маятником, перебрасывая автомат прикладом вперед. Пара обманных движений, потом резкий, самый простой выпад, чтобы не заморачиваться. Удар в грудь отбросил бандюгана к стене, он треснулся об нее затылком и сполз на пол.

– И этого туда же! – рявкнул Пашка Дорофеев, ударом под дых «принуждая к миру» долгового увальня с водянистыми глазами. – Это будет трудная ночь. Не все доживут до рассвета.

Схватка продолжалась недолго. Патрульные били бандитов кулаками, прикладами, ногами и насилу оторвались от столь увлекательного занятия. Четыре мерзавца корчились на полу в лужах крови и рвоты.

Женщина была мертва. То, что от нее осталось, представляло жалкое зрелище. Девочка вздрагивала, прижавшись к стене. Сердобольный Костюк отнес ее на кровать, укрыл одеялом. Ополченцы отворачивались, не смотрели на нее. Слава богу, что живая. Медицина разберется. И чем скорее, тем лучше. Андрей уже вызвал штаб и потребовал срочно прислать по указанному адресу «Скорую», а также машину для перевозки задержанных.

– Да кончить их к такой-то матери! – возмутился Липник. – Время на них тратить? Дать им три года за нарушение общественного порядка? Да они за десять минут троих зверски убили! Да я их сам сейчас!.. – Он вскинул автомат.

Небритый ханурик, закрылся руками и заверещал:

– Это не я! Это Трофим! – Его голос вибрировал от страха.

– Заткнись, сука! – прорычал приземистый здоровяк, с кряхтением усаживаясь на пол. – Это ты, Юрко, всех кончил. Не переводи стрелки, мразь! Гражданин начальник, мы никого не убивали, это все Юрко...

– Спалили, волки позорные! – простонал плешивый ушастый тип, держась за живот, хорошо обработанный ногами и прикладами, и вдруг взвился, взревел с надрывом: – Суки!

Он едва не сделал сальто, получив носком ботинка в подбородок.

– Лежать, твари! – проревел Андрей. – Терпим, мужики, – понизив голос, бросил он своим ребятам. – Минут через десять прибудет машина с опергруппой, пусть разбираются. Судить их, гадов, будем. Законы никто не отменял.

– Seriously? – удивился Пашка Дорофеев. – Мужики, а мне одному кажется, что законы придумали для того, чтобы про справедливость не вспоминать?

Липник зловеще засопел. Он придерживался того же мнения. Ополченцы угрожающе замкнули круг. Избитые мародеры, насильники и убийцы отползли в угол, затравленно шныряли глазами.

– Слышь, начальник, давай побазарим по-людски? – сипло предложил приземистый тип. – Вы же менты, неужто не договоримся? У нас есть немерено бабок. А жмуриков спрячем подальше, никто их не найдет... – Он резко отшатнулся, когда приклад автомата совершил недвусмысленное поступательное движение.

– Смотри-ка, наша клиентура, – удивился Голуб. – Раз ломовских ментов наизусть помнят, то и сами местные, стало быть. А что, знакомые, кстати, личности. – Ополченец начал всматриваться в физиономии задержанных.

– Ну да, известный кружок любителей рукоделия, – согласился Окуленко. – Если приглядеться, можем обнаружить знакомые рожи. Вот, к примеру, небезызвестный Трофим Крикун, маститый рецидивист, представитель славной уголовной династии. Вором в законе не стал, потому что чмо никчемное, но сидел хорошо и долго. Четыре ходки за грабеж и причинение тяжких телесных повреждений. Освободился в конце прошлого года, нигде не работал, нашел себе сожительницу и периодически выбивал из нее пыль. А что мы поскущнели, Трофим? Жизнь перестала играть яркими красками? Будущее не выглядит оптимистично? Вот Ян Горик, яркий представитель достойного криминального общества. Две ходки за хулиганство, столько же – за воровство. Юрко Ступия – мелкая шваль, жалкая, ничтожная личность без определенного места жительства и занятий. Срок по малолетке за хищение чужого имущества, полтора года в психиатрической клинике. Сорвался с катушек, чуточку порезал ножом соседа, ученика восьмого класса. Экспертиза сочла гражданина Ступию невменяемым на момент совершения преступления. Две ходки за хулиганство после долгой и продолжительной болезни и третья, самая роскошная, – за избивание собственной матери. За это его чморили и петушили на зоне целых три года...

– Чего ты гонишь, начальник?! – взвился щуплый уголовник. – Не было такого, не неси пургу! Никто еще не посмел Юрко...

Последовала мгновенная реакция. Костюк, сидящий рядом с девочкой, подлетел, пнул сапогом, и поденок повалился на пол баньки, словно лист фанеры.

– А вы, уважаемый, кто такой, как попали в эту достойную компанию? – обратился Андрей к субъекту с рыбьими глазами.

Тот помалкивал и прятал страх за дрожащей ухмылкой.

– Отвечай, падла, когда тебя капитан милиции спрашивает! – рявкнул Дорофеев.

– Прохор Кошакевич, – неохотно выдал субъект.

– А я смотрю, физиономия знакомая. – Липник хлопнул себя по лбу. – Этот деятель в апреле в наше ополчение записался. Какая только накипь тогда не всплывала!.. Попался на мародерстве, обчистил своего же мертвого товарища. Часы с него снял, деньги забрал. По сусалам настучали, хотели в комендатуру сдать, да сбежал этот паршивец. Отнял машину у какого-то частника и рванул за город. Что, скотина, тянет в родные места?..

– Ну все, хватит, – перебил его Андрей. – Видеть этих типов больше не могу. Вяжите их, парни, да вытаскивайте на свежий воздух. Сейчас машина придет. Не переживайте за их судьбу – расстреляют. Не сегодня, так завтра.

Убийцы выли, пытались сопротивляться, когда патрульные вязали им руки. Их били без всякой жалости, плющили носы, крошили зубы. Горик затрясся в падучей, принялся вырываться. На него навалились вчетвером, отвешивали тумаки, кипя от бешенства.

– Парни, держите меня, я сейчас его прикончу! – злобно пропыхтел Липник.

В этот момент и случилась отчаянная попытка побега. Юрко вскричал во всю мощь своих дохлых легких, подлетел, как резиновый мяч, ударил Голуба головой по челюсти. Ополченец ахнул от неожиданности и растянулся на полу.

Юрко уже несея к двери, стряхивая с запястий ремень, который Голуб не успел затянуть. Он споткнулся на пороге и с воплем покатился в черноту ночи. А за ним, стряхивая с себя Андрея, топал Трофим.

Окуленко почувствовал резкую боль в ключице. Старый перелом частенько давал о себе знать. Улучили, черти, удобный момент! Пока он поднимался, Трофим уже добрался до порога, перевернул скамейку, загородив проход, и в следующий момент давил бурьян, утробно урча.

Вне себя от злобы, Андрей ногой отбросил скамейку и вывалился в ночь. Автомат оставался при нем, и то хорошо. Светила полная луна, озаряя огород.

Бандиты рассыпались, уходили порознь. Избитый Юрко демонстрировал неслабую прыть, мчался через грядки, подбрасывая ноги. Трофим спешил в другую сторону, путался в высокой траве и постоянно озирался. Оба истерично кричали что-то очень нецензурное.

Уйдут же эти гады! Юрко уже приближался к соседскому палисаднику.

Андрей вскинул автомат, широко расставил ноги. Вертящаяся спина преступника неплохо помещалась в прицел, но постоянно норовила из него уйти. Он затаил дыхание, расслабился. Длинная очередь пропорола воздух. Оборвался истошный визг. Ступия изобразил причудливую петлю, как будто собрался поднырнуть под собственную промежность. Главное, что попал!

Андрей уже не смотрел, что происходило с этой ничтожной тварью, кинулся за главарем шайки. Трофим решил, что стреляют в него, от страха ноги его подкосились, он повалился в бурьян. Окуленко настиг его в несколько прыжков, отбросил автомат и принялся ожесточенно бить.

Главарь попытался приподняться. Отчасти ему удалось это сделать. Бандит напыжился, схватил Андрея за ногу, а когда тот потерял равновесие и повалился, потянулся к его автомату.

– Что, мент, поквитаемся? – выхаркнул он вместе с рвотой.

Да не бывать такому! Андрей ударил пяткой в ненавистную морду, благо до нее была не коломенская верста. Бандит встряхнул всеми конечностями, его челюсть переломилась. Он понимал, что конец близок, сопротивлялся с каким-то диким напором, не желал уступать. Андрей опять навалился на него. Трофим хрипел, пена шла из распахнутого рта, как из вскрытой банки со свежим пивом.

Рядом уже топали опомнившиеся товарищи. В нетерпении подпрыгивал Пашка Дорофеев. Он хотел помочь командиру, но в недоумении встал перед клубком из тел и мельтешащих конечностей.

– Командир, что у тебя с этим козлом? – выкрикнул Костюк.

– Характерами не сошлись, – прохрипел Андрей, пытаясь вывернуть непоседливые руки уголовника.

– Да не лезь ты, Пашка! – выкрикнул Савельев. – Капитан сам сейчас разберется!

Как в воду глядел товарищ! Трофим отчаянно взбрыкнул, окатив Андрея слюной. Бешенство обуяло Окуленко окончательно, затмило остатки разума. Пальцы бандита впились в его горло. Он избавился от хватки ударом колена в промежность и коротко врезал в горло. Этот решительный удар переломил шейные позвонки бандита.

Капитан откатился в сторону, восстанавливая дыхание. Сознание заволокло свинцовой муťou, но ничего летального в этом не было.

Трофим колотился в агонии, давился собственными выделениями. Он издал что-то трубное, незаконченное и затих.

– Ну, ты и отжег, командир!.. – сказал Дорофеев, помогая ему подняться. – Сам осудил упыря, собственным законом. Посмотри, до чего ты его довел!

Смотреть на мертвого поганца бывшему капитану милиции решительно не хотелось. Держась за горло, Андрей ползал по земле, искал автомат, едва не поменявший хозяина.

– Он и Ступию осудил! – выкрикнул с другого конца огорода Костюк. – К высшей мере, блин! У этого придурка от рожи ни хрена не осталось. Ты ему, Андрюха, полмагазина в затылок всадил! А как же справедливый суд, тюрьма? Ладно, командир, не парься, собаке – собачья смерть!

В покинутой баньке вдруг разразилась автоматная стрельба! Все бросились обратно, даже Андрей, позабывший про свое травмированное горло.

Невысокий Савельев коломом вкатился в баню и начал жутко ругаться. За ним туда ввалились остальные. Мертвецов в помывочном отделении явно прибыло. Прохор с Гориком

лежали на полу – лица обезображены, рты оскалены. Оба крест-накрест были перечеркнуты пулевыми отверстиями. От крови в тесном пространстве было некуда ступить.

– Уплачено... – отрешенно пробормотал Липник, извлекая из автомата пустой магазин.

– Ну и что это было, Серега? – не понял Дорофеев.

– Хамили, – коротко пояснил Липник.

– Ага, – понимающе протянул Голуб. – Тогда, конечно, другого лекарства не существует.

– Осуждаешь, командир? – Липник глянул на Андрея с какой-то непонятной злостью.

Он был еще не в курсе, что капитан Андрей Окуленко тоже славно поработал на задворках баньки.

– Не могу смотреть на эту мразь, слушать, как они меня матерят. Сам не свой становлюсь. У тебя ведь никого не убили на этой войне?

– Сплюнь, – пробормотал Андрей, невольно отворачиваясь.

У него на этой глупой и беспощадной войне, к счастью, никого не убили. Семья в порядке, хотя и находилась в Ломове, родня из Макеевки успела эвакуироваться в Россию еще до начала полномасштабных боевых действий.

Вдалеке уже ревела сирена реанимобиля, громыхла ржавыми боками машина для перевозки задержанных и заключенных. Это чудо техники под названием «Безумный Макс» ополченческие Кулибины сконструировали из бывшего мусоровоза. Они удалили из него все ненужное и наварили на корпус стальные решетки. В случае нужды мусоровоз принужденно превращался в зловещую боевую машину, призванную внушать трепет врагу.

Застонала девочка, лежащая под одеялом, приподнялась – взъерошенная, серая от потрясения, уставилась невидящими глазами на свою истерзанную мать, которую Голуб догадался хоть как-то прикрыть одеялом. Слезы ползли по впалым щекам. Ополченцы, нависавшие всякого, смущенно отвернулись.

– Ладно, мужики, пойдем на улицу, – пробормотал Андрей. – Пора встречать долгожданных гостей. Черт бы побрал этих сонь!

Глава 2

Окуленко вернулся домой лишь под утро, дико уставший, с раскалывающейся головой. В Крановом переулке на южной оконечности Ломова было тихо и безмятежно. Стояла сонная тишина, в воздухе остро пахло травами и цветами.

Снаряды в такую даль залетали редко, разрушений здесь было немного. Значительная часть жителей этого района уехала отсюда, но жизнь тут была вполне сносной. Андрею сложно было представить, что это тот же город, который он патрулирует четвертую ночь, не расставаясь с автоматом.

Несколько минут он постоял у калитки, вслушиваясь в сонную тишину, потом затоптал окурки и пересек двор. Хозяйство приходило в запустение. С этой проклятой службой, отнимающей практически все время, он окончательно забросил дом. У сарая валялась груда чурок, которые некогда было порубить, крыша бани окончательно просела.

Впрочем, бурьян не лез во все щели, половина картошки на участке была выкопана – значит, Ольга с пользой провела день. За шторами поблескивал свет. Жена еще не ложилась, ждала мужа.

Стройная фигурка, которую не мог испортить никакой мешковатый халат, поднялась из-за стола и утонула в его объятиях. Он целовал ее в сонные глаза, гладил приятно пахнущие волосы. В свои тридцать два Ольга выглядела идеально, даже морщинки возле глаз ее не портили, а лишь усиливали сексуальное притяжение.

До войны она работала гинекологом, теперь сидела дома. Районную больницу разбомбили, профессия стала невостребованной.

Зато ребенок – восьмилетняя Людочка – всегда была под присмотром. Она помогала матери по хозяйству и даже иногда видела папу, в основном спящего.

Занятия в школе еще не начались. Учебное заведение находилось в опасной зоне. Снаряды временами прилетали на двор, вдребезги разнесли спортзал.

Приказом новых властей «первое сентября» перенесли на месяц. Дети, конечно, нисколько не возражали, но это был явно не предел. У украинских артиллеристов имелась дурная привычка бить куда попало, а потом сваливать свои грехи на ополченцев.

– Как я устала ждать тебя!.. – шептала Ольга, глядя его по отросшей щетине. – Уже четыре ночи одна, жду и не знаю, вернешься ли ты.

– Другую нашел, – пошутил Андрей. – Она такая беспокойная, боевая и отнимает массу времени. Ночь еще не кончилась, милая. – Он осыпал жену поцелуями. – Мы можем все наверстать и даже выспаться.

Первым делом Андрей заглянул в детскую – белокурая Людочка спала, шумно посапывая, – потом снял автомат, амуницию, осточертевший камуфляж. Ольга покормила его то ли завтраком, то ли ужином. Она сидела напротив, подперев кулачком подбородок, разглядывала с любовью. Потом женщина спохватилась, принесла из шкафа графин с ароматной сливовой настойкой, бесперебойно производимой бабой Нюрой, живущей через дорогу, налила мужу в бокал.

– Это обязательное условие? – удивился Андрей.

– Это лекарство, – заявила Ольга. – Для преодоления депрессивных явлений. Уж поверь дипломированному медику. По старой, кстати, цене, – похвасталась супруга. – Баба Нюра безбожно завышает цену своей продукции, ссылаясь на дороговизну сырья, войну, мировой экономический кризис и внезапный визит патруля ополчения, который отобрал у нее все, что она наварила на неделю.

– Ну да. – Андрей кивнул и охотно выщедил пахучую жидкость. – Что в мире ни случается – все к росту цен. Но тебе она сделала скидку?

– У нас она пожизненная, – проговорила супруга. – Баба Нюра прекрасно помнит, как ты вытащил с того света ее внука. Ты ешь, Андрюша, не смотри на меня влюбленными глазами.

– Да, родная. – Андрей энергично застучал ложкой.

Он давно подметил эту странную особенность. Что бы вокруг ни происходило, но жители Донбасса крайне редко изменяют своим привычкам. Война не нарушает их планы, пока не стирает все на своем пути. Снаряды попадают в жилые дома, а в соседнем квартале идет обыденная жизнь. Граждане делают вид, что ничего не слышат. Работают магазины, кафе, люди как ни в чем не бывало ходят по улицам, занимаются своими делами, обсуждают личные проблемы. По дорогам ездят маршрутки, набитые пассажирами, горожане ждут автобусы на остановках. Если кого-то убьют, люди прикрывают тело тканью и снова ходят рядом. Любопытные дети заглядывают в воронки от разорвавшихся снарядов.

Из одной такой воронки Андрей однажды и извлек здорового пятнадцатилетнего детину, оказавшегося не в том районе. Артиллерийский снаряд по простоте своей не знал, что есть закон, запрещающий ему попадать в старую воронку, и угодил точнехонько в нее. Парня засыпало землей. Если бы Андрей его не откопал, то контуженый отрок быстро задохнулся бы. Все обошлось. Окуленко оживил его, надавал по ушам для профилактики и отправил к бабке.

После еды он лежал в кровати, расслабленный, довольный жизнью. А Ольга в ночной рубашке сидела за туалетным столиком, меланхолично смотрела в зеркало и при помощи клочка ватки улучшала свой внешний облик.

– Ты словно скорбишь о чем-то, – зевая, заметил Андрей.

– Старею, – со вздохом сказала Ольга.

– Ты еще родишь мне сына, – сказал Андрей.

Ольга прыснула и услышала:

– Я серьезно говорю.

– Поздно, милый.

– Поздно? – удивился Андрей. – Прекрасный лебедь превращается в гадкого утенка?

Что-то незаметно. Ты хороша как никогда. Так, немедленно бросай свой столик и иди сюда! – распорядился он. – Иначе я усну. У меня был трудный день и очень нелегкая ночь. В полдень все опять начнется с самого начала. Выслушивать жалобы о твоей преждевременной старости – это не совсем то...

Он не договорил. Ольга легким движением избавилась от ночной рубашки и забралась к нему под одеяло. Андрей чуть не задохнулся от радости. Словно не было войны, взрывов и смертей, одуряющей работы.

Они занимались любовью, утопая друг в друге, позабыв про все, даже про совместное белокурое творение, мирно посапывающее в соседней комнате. Постель взмокла от пота, хотя не сказать, что в доме было жарко. Иногда находило – вспоминалась молодость, бурлили гормоны. Прошлой зимой на тайном семейном совете было принято историческое решение завести еще одного ребенка, но вот только война-злодейка сломала все планы.

«Хорошо, – решили супруги. – Пока мы ограничимся безопасным сексом, но при первом же удобном случае вернемся к этому вопросу».

– Господи, как раньше! – прошептала разморенная Ольга, прижимаясь к мужу. – Словно и не было ничего этого.

– Скоро не будет ничего этого, родная, – пробормотал Андрей, глядя ее шелковистую кожу. – Война вот-вот закончится, наши отбросят укропов на север, обстрелы прекратятся, снова начнется скучная, нудная мирная жизнь.

– Правда, все будет хорошо, Андрюша?

– Конечно. Плохо нас никак не устраивает. – Он засмеялся.

Сон отрезало. Прошли какие-то жалкие минуты, и вновь проснулась мужская сила, потянула в бой. Ольга расслабилась, издала стон. Их опять накрыло с головой.

А потом они валялись, отбросив одеяло, и с опаской прислушивались к происходящему в соседней комнате. Однажды Людочка проснулась спозаранку в выходной день и едва не спалила родителей, лежащих на кровати в чем мама родила. Одеяло валялось черт знает где. Андрей свалился на пол под окно. Ольга прикрылась подушкой и на резонный вопрос ребенка, где папа, задыхаясь от смеха, объяснила сонному чаду, что папу забрал Карлсон. Они улетели, но, в принципе, к завтраку обещали вернуться.

– Ужас какой! – придя в себя, прошептала супруга. – А помнишь, как пятнадцать лет назад мы собирались всего лишь быть друзьями?

– Помню, – согласился Андрей. – Ты прижалась ко мне попкой в палатке. Это было именно то, что так необходимо для дружбы.

Они счастливо смеялись, обнимались. Постепенно Морфей затягивал их в свои глубины. Супруги заснули, крепко обнявшись.

А за два часа до полудня, после трехдневного перерыва, артиллерийская группировка украинских войск снова начала массированный обстрел Ломова. Это было что-то новое. На сей раз работала дальнобойная артиллерия.

Андрей проснулся от нарастающего свиста. Испытав мимолетное чувство ужаса, незащищенности, он машинально обнял еще не проснувшуюся Ольгу. Рвануло в соседнем квар-

тале, вздрогнул дом, зазвенели стекла. Жгучий комок подкатил к горлу. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Он подлетел как на пружине, затряс жену.

Она уже проснулась, смотрела на него огромными от ужаса глазами.

– Что это, Андрюшенька?

– Это вместо зарядки, – отшутился он. – Живо одеваемся, мое солнце. Я приведу Людочку.

И покатила вереница разрывов, чуть дальше первого, но часто, много. Дом уже не просто дрожал, а подпрыгивал, стекла звенели на разные лады. Они лихорадочно искали одежду, Андрей натянул штаны, бросился из спальни.

Людочка уже спешила навстречу. Лохматая, опухшая, она ревела, терла глаза кулачками.

Снова раздался зловещий свист, от которого захватило дух и замерло сердце. Такое ощущение, что рвануло где-то здесь, в Крановом переулке. От грохота заложило уши!

«„Акации“, – безошибочно определил Окуленко. – Мощные дивизионные самоходные гаубицы. Вот же суки! Бьют не по позициям ополчения, а по мирным жителям!»

Жена и дочь истошно кричали, затыкали пальцами уши. Он не поддался панике, в отличие от своих любимых. Дорога была каждая секунда. К черту одежду, бери документы и прочие необходимые вещи!

Он схватил дочь в охапку, сцапал Ольгу за руку и потащил обеих в горницу.

Подпол в этом доме был глубокий, знатный и даже имел парочку потайных уголков. Инициатором строительства норы под домом был еще отец Андрея. Это произошло лет тридцать назад. Когда его спрашивали, зачем он вырыл такой глубокий подвал, отец хитро ухмылялся и говорил: «Пусть будет. Продукты где-то хранить надо».

Артострел продолжался. Земля тряслась, как от мощных подземных толчков. На улице кричали люди, ревели сирены.

Андрей отбросил крышку погреба, подтащил к люку жену.

– Спускайся, родная, да побыстрей! Не хватайся за Людочку, я сам ее спущу.

Лестница была устойчивой, удобной. Большое спасибо покойному родителю.

Окуленко обнял трясущуюся дочь, спустился в подвал вместе с ней. Она вцепилась в него обеими руками, захлебывалась слезами. Спрятались, и слава богу! Андрей провел жену и дочку за угол, в холодный каменный мешок, куда заблаговременно натаскал старые матрасы, одеяла. Здесь имелась вода, какие-то консервы, свечи со спичками.

Он пошел обратно, чтобы закрыть крышку подпола – не было у него третьей руки! Окуленко поднялся по лестнице, и в этот момент взрыв прогремел где-то совсем рядом. Дом так подбросило, что крышка сама захлопнулась. Он не успел пригнуться, получил по макушке, но не упал. В голове Андрея даже мелькнула развеселая мысль. Вот, мол, прихлопнули, как таракана, блин! Голова чуть не лопнула от боли.

Он удержался за лестницу, прыгнул вниз и вернулся к женщинам. Нельзя их оставлять ни на минуту!

Они сидели на матрасах, закутавшись в покрывала. Он обнимал обеих, бормотал какие-то успокаивающие слова. Звуки разрывов делались глуше, потом – звонче. Они то отступали, то приближались.

– Папочка, что это такое? – пробормотала девочка, прижимаясь к отцу.

Она немного успокоилась, жалобно шмыгала носом. Ребенок рос не в вакууме, знал, что в мире происходит что-то страшное, но родители всячески ограждали девочку от войны, реже выводили на улицу, минимизировали общение с другими людьми. Ей не раз приходилось слышать взрывы, но это было далеко, словно не по-настоящему. Такого, как сегодня, она ни разу не переживала.

– Все хорошо, милая. Это салют. – Андрей крепко прижал к себе дочь. – Дяденьки немного перестарались, но скоро грохот закончится, не переживай.

– Андрюша, что это значит? – шепнула ему на ухо Ольга. – Они совсем обнаглели, что творят? Им мало того, что уничтожили половину города? Теперь за вторую взялись?

– Это нехорошие симптомы, милая. – Андрей понизил голос до шепота. – У этих шуток, из которых они лупят, дальность стрельбы составляет семнадцать километров. Они могли бы и раньше накрыть весь город, но ограничивались лишь северными районами. Возможно, таков был приказ. Что-то меняется. Как бы в разгар перемирия каратели не начали наступление. – Андрей поднял голову, прислушался. – Кажется, тихо стало, обстрел прекратился. Но это дело временное. Если уж начали, то теперь не остановятся. Сделают передышку на день или несколько часов и снова будут мотать нервы. Вам с Людочкой придется уехать.

– Еще чего не хватало! – Ольга встревожилась, до боли сжала локоть мужа. – Даже не думай об этом, Андрей. Если мы куда-то и поедem, то только вместе с тобой.

– Увы, родная, в этом вопросе ты права голоса не имеешь. – Андрей включил фонарик, осветил бледное лицо жены, подрагивающие посиневшие губы. – Не обижайся, но решать буду я. Твой муж имеет представление о том, что такое война и как на ней выживать. Ты должна подумать о ребенке. Я уйду рано, прихожу поздно, могу пропадать на службе несколько суток. Мысли о том, что дома остались любимые беззащитные создания, сильно отвлекают меня, не дают сосредоточиться. Ты не беспокойся, со мной ничего не случится. Коридор через Назаровку еще открыт, все желающие могут уехать, причем с охраной и под огневым прикрытием. До России три часа быстрой езды. На той стороне, в Козинске, вполне приличный лагерь для переселенных лиц. У меня повсюду знакомые, вам предоставят комфортные условия. Пойми, родная, это необходимо. Разлука будет недолгой. Сегодня узнаю, когда пойдет следующая колонна.

Супруга заплакала, прижалась к нему и простонала:

– Не отдам, не поеду!..

Он оторвал ее от себя и поторопился выйти на свежий воздух.

Украинские САУ, зарывшиеся за селом Пастушьим на бывшей базе ПВО «Распадово», этим утром поработали на славу. Массированным ударам подверглись практически все районы Ломова. В городе полыхали пожары, надрывались сирены «Скорой помощи», пожарной охраны, специальных спасательных служб. Люди разбирали завалы, вытаскивали мертвых и раненых.

Больше всего пострадал микрорайон Алексино, застроенный многоквартирными домами. Была обесточена трансформаторная подстанция. Получил серьезные повреждения водопроводный узел.

Несколько снарядов разрушили перекрытия на последних этажах многоэтажки, обвалилась крыша. Один из снарядов насквозь прошиб этот дом. Старенькие керамзитовые блоки не выдерживали попаданий, рвались и крошились. Люди задыхались в дыму, вытаскивали близких из-под рухнувших стен. Кричали раненые, получившие многочисленные переломы.

Пожарным не хватало длины брандспойтов, чтобы погасить огонь, а вскарабкаться на последние этажи было невозможно – обвалился лестничный марш. Спасатели натягивали канаты. По ним спускались люди, выжившие в этом аду.

Один из снарядов с ювелирной точностью угодил в маршрутку, перевозившую рабочих с шахты «Юбилейная». Не выжил никто. Фрагменты тел и огрызки железа разлетелись на десятки метров.

В штабе ополчения царили злость и нервозность. В подвале районного Дома культуры, где раньше по ночам открывались двери ночного клуба «Кашалот», было сухо, тепло, дизель-генератор исправно вырабатывал электричество. За стенкой приглушенно ругались радисты, у которых что-то не ладилось со связью.

Полковник Марчук хмуро озирали почерневшие от усталости лица подчиненных. Они смотрели в стол, стараясь не пересекаться со взглядом разгневанного начальства. Николай Николаевич всегда советовался с умными людьми, но случались моменты, когда он превращался в невыносимый сгусток отрицательной энергии и запросто мог «понизить рейтинг» кому угодно. В такие периоды от него стоило держаться подальше.

Но сегодня полковник чувствовал, что злобой делу не поможешь, нужна кропотливая конструктивная работа. В противном случае вся его территория рискует погрузиться в хаос. Он много курил, прикладывал усилия, чтобы не разразиться потоком отборной матерщины.

– Ладно!.. – буркнул он и с усилием раздавил окурок в пепельнице.

Люди продолжали помалкивать. Никому не хотелось разделить судьбу окурка.

– Докладывайте, Константин Викторович.

– Артобстрел начался около десяти утра, товарищ полковник, – начал бледный, с высушенной кожей, майор Палич, начальник разведки и контрразведки, к которому традиционно стекалась вся информация. – В сторону Ломова было выпущено не менее тридцати снарядов. Работали «Акации». – Майор чуть помялся и продолжил: – Такое ощущение, Николай Николаевич, что работал уже не один взвод САУ, а по меньшей мере два. Боюсь, к укропам прибыло подкрепление. В общей сложности нас обстреливали не меньше восьми гаубиц. Северные районы Ломова на этот раз они проигнорировали, били по центру и южной части. Применялись и зажигательные заряды. Большие разрушения в Алексино, в Рясино, подбит один из мостов через Кижич. В данный момент его восстанавливают. В городе были пожары. К счастью, нам на руку сыграл проливной дождь, который прошел около одиннадцати утра. Благодаря ему пламя не пошло гулять по всему городу. Погибших порядка тридцати пяти, раненых и покалеченных – больше сорока. Многие дома разрушены. Пострадавшие – исключительно мирные жители. Жертв могло быть меньше, но много людей погибло в маршрутке, перевозившей горняков. А еще зафиксировано прямое попадание в церковь Николая Угодника, где в этот момент проходила утренняя служба. В храме семеро погибших – женщины и один из служителей.

– Попали в церковь, и все, кто там были, вознеслись на небеса, – не к месту пробормотал начальник штаба Сергеев.

– Священник разбитого храма протоиерей Иоанн – Алексей Кургин, проводивший службу, не получил при этом ни царапины, – покосившись на начальника штаба, продолжал Палич. – Он уже предал жестокой анафеме украинских артиллеристов, но не думаю, что тем стало от этого холодно или жарко.

– Откуда вели огонь? – осведомился Марчук и впился в начштаба пылающим взглядом.

– Это старые позиции, Николай Николаевич, – доложил Сергеев. – Бывшая часть ПВО за селом Пастушьим с хорошо защищенными подземными укрытиями для зенитно-ракетных комплексов. Никаких средств противовоздушной обороны там давно уже нет. На базе располагаются самоходные гаубицы «Акация». Недостатка боеприпасов они не испытывают. Прежде это был один взвод, им командовал некий капитан Котрич Олесь Петрович, выходец из Ивано-Франковской области. Кто командует сейчас, мы не знаем. Экипажи САУ – исключительно добровольцы, то есть сознательные сторонники войны до победного конца.

– Звери они, – пробормотал Марчук. – Прекрасно видят, что творят. Что еще известно?

– База ПВО надежно охраняется целой ротой, которой командует майор Гнатыш Степан Маркович. Он прославился в боях под Краматорском, когда собственноручно расстре-

ливал трусов и дезертиров. Можно представить, какая ответственная задача у этого подразделения, если командовать им поставили целого майора. Численность роты неизвестна, но думаю, не меньше восьми десятков штыков. Это тоже не безусые новобранцы, знают, что такое служба и дисциплина. И еще, Николай Николаевич, чуть не забыл. Имеется информация от агента из штаба бригады, что базу за Пастушым усиленно опекает некий иностранец – капитан Брюс Фишер. Нетрудно догадаться, что это натовский советник.

– Понятно. Куда теперь без этих иностранцев!.. – отмахнулся Марчук. – Пусть советуют, все равно ничего доброго не подскажут. У тебя что-нибудь есть, Борис? – Марчук покосился на молодого командира взвода САУ «Нона» капитана Тарана.

– Ничего нового, товарищ полковник, – грустно отчитался тот. – Наши возможности ограничены. После артобстрела противника мы использовали все средства, имеющиеся в нашем распоряжении...

– Лучше бы мозг использовали, – проворчал полковник, вооружаясь очередной сигаретой.

– Его тоже напрягали, – дерзко отозвался Таран. – Не помогает, товарищ полковник. Наши самоходки с трудом достают до базы только осколочно-фугасными активно-реактивными минами, количество которых ограничено. Обычные же мины частично накрывают только передовые рубежи. Но дело даже не в этом. Мы не видим, куда бьем. Базу ПВО «Распадово» в свое время построили очень грамотно. В окрестностях, помимо Пастушьего, никаких селений. Высота возвышается над местностью, окружена лесами, кустарником. Все дороги, ведущие к базе, охраняются тройными кордонами. Позиции на высоте обширны, там можно рассредоточить очень много техники. Вся высота изрыта рвами, бункерами, подземными ходами. Имеются капониры, фланговые бастионы, откуда очень удобно вести огонь. Мы можем засыпать своими минами всю высоту, но что это даст? «Акации» по команде стреляют из капониров, после чего снимаются с позиций и растворяются в подземных ангарах. В момент, когда прилетают наши заряды, на высоте уже никого нет. Мы утюжим позиции, но вражеская техника и живая сила остаются невредимыми. Мы практически не наносим им ущерба. Вся высота – это армированный бетон. Если мы где-то и рыхлим землю, то грейдеры и экскаваторы после нас все быстренько возвращают на место. Укропы над нами просто потешаются, товарищ полковник! Мы много раз пытались заставить артиллерию противника замолчать, но так и не смогли это сделать. Мы просто не видим врага!

– И какие варианты? – мрачно спросил Марчук. – Устраивать наступление только для того, чтобы забрать высоту? Дороговато встанет, товарищи военные.

– Я дважды посылал диверсионные группы с задачей уничтожить батарею, – отчитался Палич. – Но дозорные противника хорошо знают службу. Повсюду ловушки, засады. Люди гибли без всякого смысла, ни за хрен собачий, уж извините, товарищ полковник. И ведь полегли не какие-нибудь необученные салаги – бывалые, подготовленные, с опытом Афгана и Кавказа. Жалко парней. Я просто так отправил их на смерть.

– Есть еще одна идея, товарищ полковник, – подал голос капитан Таран, и все с любопытством на него уставились.

– Ну, говори, чего заглох? – проворчал Марчук. – Патент, что ли, ждешь?

Молодой капитан немного смутился.

– Объект уничтожить нереально, – сказал он. – Во всяком случае, имеющимися силами и средствами. Я читаю, что нам нужны не группы диверсантов-взрывников, гремющих доспехами, а всего лишь пара добровольцев, корректировщиков огня. Надежные, физически развитые, желательно бывшие артиллеристы. Никакого груза, пусть косят под местных жителей. Для пушей убедительности дайте им какие-нибудь документы. Ну, и по рации в лукошки. Пусть собирают что угодно – хворост, грибы, ягоды. Никакой излишней амуниции. Задача – пробраться к высоте, выбрать позицию, откуда все видно, затаиться.

Дождаться, когда САУ приступят к работе. Как только установки выйдут на позиции из своих подземелий, мы сразу получаем координаты и открываем массированный огонь. Понимаете, товарищ полковник? Эти парни наведут наши «Ноны» на их «Акации». Тут-то мы их и сделаем!

– Понимаю, не бестолковый, – проворчал полковник и задумался.

В плане, предложенном капитаном, было много изъянов, подводных камней. Не говоря уж о том, что парням фактически придется вызывать огонь на себя. Но ведь надо что-то делать, черт возьми! Под лежащий камень вода не течет, а других средств просто-напросто нет!

– Договаривай, Борис. Если родилась идея, значит, ты и людей уже подобрал, да?

– Так точно, товарищ полковник, – не смутившись, проговорил Таран. – Сами вызвались. Офицеры Сергей Васько и Вячеслав Ряшин. Друзья с детства, один за другого горой. Обладают всеми навыками. Оба местные. Первый служил в Черниговском полку специального назначения, уволился в запас в одиннадцатом году. Второй полгода не вылезал с базы ПВО «Распадово», знает, как к ней подобраться. Так что тыкаться слепыми щенками они не будут. Люди верные, надежные, у каждого имеется железная причина ненавидеть карателей. Готовы на все, в том числе, как выразился Ряшин, посидеть голым задом на раскаленной сковороде. Решайте, товарищ полковник. У нас есть возможность накрыть проклятые САУ до начала очередного обстрела.

– Хорошо, капитан, доставьте сюда ваших добровольцев, – решил Марчук. – Посмотрим, что за герои.

Глава 3

Ночная тьма накрыла село, окруженное густым осинником. Этот населенный пункт отнюдь не процветал. Хаты покосились, вросли в землю, ограды и заборы напоминали солдат в строю, падающих от непомерной усталости. Единственная улица в селе состояла из сплошных ухабов, в которых не пересыхала дождевая вода. Огороды заросли бурьяном. Электричество отсутствовало, люди пользовались свечами и керосиновыми лампами.

Хотя в селе и не проходили боевые действия, но над ним летали снаряды, оно располагалось четко между позициями украинских силовиков и ополченцев. Но кто-то тут жил. В отдельных окнах поблескивал свет. Где-то на восточной околице лаяла собака, гремя цепью. С противоположной окраины села доносилась крепкая ругань. Мужчина и женщина, судя по голосам, весьма пожилые, активно выясняли отношения.

Шевельнулся бурьян, накрывший жухлой волной изломанную ограду, в серой мгле появились две головы. Улица, выходящая к лесу на северной стороне, вроде была пуста. На противоположной стороне дороги вырисовывался ржавый кузов грузовика без кабины, какая-то древняя телега. Приподнялись две тени, приготовились перебраться через остатки палисадника.

– Ага, попались! Лови их, держи, ату! – прозвучал надрывный ломающийся голос.

Оба злоумышленника мгновенно повалились обратно в бурьян, прижались к земле. Какого черта, у них даже оружия нет! Они ожидали чего угодно, но только не этого! А ломающийся голос сменился таким же надрывным трескучим хохотом. Как будто смеялся леший из экранизированной детской сказки.

Ситуация требовала объяснения. К счастью, оно последовало быстро. Из-за остова грузовика появился человек. Он шатался со страшной силой, удивительно, что не падал. Это был какой-то щуплый, пьяный в дым мужичок, видимо, из местных. Одежда висела на нем мешком, одна нога, похоже, была босая.

Он пытался застегнуть штаны, но попадал не в то место и в итоге прекратил неуместные попытки привести себя в порядок. Действительно, кого волнует, застегнуты ли у него штаны? Качаясь, будто маятник, мужичок потащился по дороге, что-то мурлыкая себе под нос. Поравнявшись с людьми, притаившимися в бурьяне, он сделал остановку. В свете полной луны было прекрасно видно, как заблестели щербатые зубы.

– Эй, а я вас вижу! – пролопотал он и мелко захихикал. – Чего это вы там прячетесь? Солдатики, что ли? За самогоном пришли? Так вы не туда идете. Вам вон куда надо шагать. – Он махнул рукой примерно в том направлении, куда и двигался. – К тетке Груше надо идти, она по старинке гонит. Вот такой у нее продукт, пальчики оближешь. Туда, бойцы!..

Бурьян загадочно помалкивал. Этот алкоголик из богом забытого села был чертовски наблюдательным. Правда, память у него оказалась коротка. Ноги пьянчужки переплелись, он повалился в непросыхающую колею. Не меньше минуты селянин пытался развязать свои конечности, в итоге ему это удалось.

Мужичонка поднялся и, шатаясь с устрашающей амплитудой, побрел прочь. Он напрочь забыл о том, что случилось несколько мгновений назад, про свою интересную находку и самогон тетки Груши, вкуснее которого только божественный нектар. Фигура пьяного автохтона растаяла в ночной дымке, его бормотание затихло.

Двое в бурьяне посмотрели друг на друга.

– Серега, что это было? – прошептал один. – Я, ей-богу, чуть в штаны не наделал. Как молотком по голове, блин!..

– Да уж, Славик, наша маскировка оказалась несовершенной, – ответил его напарник. – Я тоже сначала подумал, что нас хохлы поимели, с жизнью уже простился. Как же мы недоглядели-то?

– Ага, опростоволосились, – согласился первый. – Правильно люди говорят, что одна голова – плохо, а две – еще хуже.

Вскоре они успокоились, долго лежали в траве и прислушивались. В лесу монотонно ухала ночная птица. Собака на другом конце Пастушьего перестала брехать, уснула. Затихла ругань на противоположном краю села. Давно пора успокоиться – второй час ночи.

Инцидент на дороге не привлек внимания посторонних личностей. Но двое лазутчиков из стана ополченцев продолжали вжиматься в землю, вслушивались, всматривались. Дистанцию в пять километров от Ломова до Пастушьего они преодолели за полтора часа. Напарники шли по разреженному осиннику, страхуя друг друга, старательно обходили открытые участки. Но за Пастушьим начиналась зона повышенной опасности, напичканная патрулями и приборами слежения. Недооценивать противника никто не собирался.

– Ладно, товарищ капитан, надо работать. На дорогу лучше не выходить, обойдем огородами и двинем в лес. Дьявол!.. – ругнулся один из офицеров. – Нет, как ни крути, а придется идти по дороге. В лесу мы все ноги переломаем, там же не видно ни зги.

– Есть идея, товарищ старший лейтенант, – пробормотал разведчик, приподнял голову и уставился на серое марево, в котором растворился деревенский пьяница.

Второй уставился в ту же сторону. Оба затихли.

– Интересно, Серега, ты думаешь о том же, о чем и я? – сказал один через минуту.

– Так точно, товарищ капитан. Мы мыслим хитро, но прямолинейно. Есть смысл позаминимствовать что-то лучшее у народа, нет?

План вырисовывался смутный, но оригинальный. Ломиться через чащи бурелома было глупо. Где находятся посты, висят датчики слежения?

Две тени пересекли огород, скрылись в дебрях крапивы. Один из напарников через энное время объявился на лесной дороге недалеко от опушки. Он брел пьяной поступью, запинаясь через шаг, что-то мурлыкая под нос. Потертая болоньевая куртка висела на нем мешком, шнурки дурацких тяжелых ботинок волочились по земле.

Лес почти вплотную подступал к дороге. Кривые осины чередовались с зарослями кустарника. Деревья смыкались над головой человека, но рассеянный свет луны все же доставал до земли, озарял кипы жухлой травы, корни, плетущиеся по земле.

Углубиться в лес ему удалось метров на сто, никак не больше. Шнурок запутался в чертополохе, за что-то зацепился. Мужчина чуть не упал, смешно замахал руками, дернул ногой, освобождаясь от помехи, снова едва не растянулся. Он начал заковыристо ругаться, путая русские и украинские слова. Этот человек не видел, как от дерева отделилась фигура с автоматом и преградила ему дорогу. Когда он решил продолжить движение, то чуть не протаранил солдата, очень удивился, вытянул шею.

– Тю!.. Хлопец, а ты кто таков будешь? Погоди-ка! – Мужчина начал всматриваться в темноту, мол, не померещилось ли?..

Военный поднял автомат.

– Стоять. Ты что за хрен с горы?

Из-за дерева вышел еще один, приблизился сбоку кошачьей поступью. В свете луны на рукаве поблескивал шеврон в бордово-черных тонах. Мужчина заметил этого патрульного, попятился, но пьяного изображать не перестал, даже наоборот, закачался, забубнил с утроенной энергией. Украинский язык бывший капитан Ряшин знал так же хорошо, как и русский.

– Хлопцы, вы чего меня пугаете? Иду себе, никого не трогаю. Сам я местный, из Пастушьего. Быченок моя фамилия, Ромкой зовут. Да, выпил немного, разве запрещено? Хлопцы, а может, и вам налить? Так пойдемте, в доме еще осталось.

– Ты куда идешь, кретин? – процедил патрульный.

– Так я ж сказал, – удивился пьяный мужик. – Жену Любку немножко прибил, так она, дура, обиделась, до сестры побежала, в Бутово. Это ж сюда?..

– Мужик, вали отсюда к чертовой матери, – прошипел военный. – Пока мы тебя не пристрелили. Нет здесь никакого Бутово.

– Да как же нет? – проблеял пьянчужка. – Там оно, Бутово... – Вдруг он икнул и начал озиаться. – Слышь, хлопцы, а где это я?

– Погодь-ка, Василь! – Солдат насторожился. – Брешет-то он исправно, как по писаному, вот только не пахнет от него ни хрена. Ты что-нибудь чувствуешь?

– Да вроде нет. – Второй боец тоже напрягся, отпрыгнул, передернул затвор. – Эй, мужик!.. А ну, мордой в землю!

Ряшин и не думал подчиняться, стоял и качался. Глупая улыбка блестела в лунном свете. Солдат толкнул его, выставил ногу. Лазутчик повалился и возмущенно крикнул.

– Надо сообщить в караул, – сказал первый украинский боец, отстегивая от пояса рацию. – Пусть разбираются, что за тип залетный. Миха, держи этого пострела на мушке.

Связаться с начальством военнослужащий не успел, хотя мыслил в правильном направлении. В кустах, стоявших за пределами дороги, раздался сдавленный вскрик. Там что-то хрустнуло, забулькало, затряслись ветки. Вероятно, в зарослях находился третий участник патрульной группы, решивший не выходить из укрытия. Тоже верное решение, но оно не помогло.

Военные на дороге растерялись. Ствол автомата проделал дугу в направлении кустарника.

В тот же миг активизировался Ряшин, лежащий носом в землю. Он резво перекатился, махнул ногой, проводя подсечку, и боец повалился хребтом в заросли чертополоха. Ряшин был уже на ногах, подхватил выпавший автомат, ударил прикладом в висок – мощно, с вывертом. Среагировал второй, подпрыгнул, словно заяц, но что-то просвистело из кустарника и вонзилось ему в бок. Военный повалился на колени, захрипел, задыхаясь, выронил автомат. От боли у него помутился рассудок. Он извернулся, выдернул из тела нож с зазубри-

нами на верхней кромке лезвия. Выжить после такого трудно. Кровь полилась как из крана. Солдат повалился на бок, сделал несколько попыток подняться, но так и не смог, вздрогнул, потом затих.

– Ты прямо многостаночник, Серега, – одобрительно заметил Ряшин, забрасывая за спину трофейный автомат. – Клиент готов?

– Клиент готов, – подтвердил из кустов Васько. – Ты же знаешь, я шею выкручиваю посильнее ревматизма. Подожди минутку, Славик, у товарища тут что-то интересное в под-
сумке. Ого, представляешь, им на пост гранаты «Ф#1» выдают.

– Не думаю, что это инициатива начальства, – проворчал Ряшин, опускаясь на колени перед затихшим бойцом. – Сами, наверное, добывают и таскают с собой, чтобы не так страшно было. Возьми, в хозяйстве пригодится.

Васько выбрался из кустарника и присоединился к товарищу, который в свете фонарика разглядывал притихшего украинского солдата. Глаза у того были приоткрыты, лицо покрылось синюшной бледностью.

– Диагноз – смерть? – поинтересовался Васько.

– Да уж точно не ОРЗ, – буркнул Ряшин. – Смотри, Серега, какие крутые у них отличительные знаки. Радикалы, блин! «Правый сектор». Вот смотрю на него и начинаю думать, что убивать – не так уж плохо. А ведь еще по-русски говорили!..

Они прислушались. В окрестностях было тихо. Ночная птица продолжала монотонно бубнить где-то в глубине леса. Совместными усилиями лазутчики оттащили мертвеца с дороги и пристроили в канаве за деревьями.

Третий участник патрульной группы был жив. Кровь текла из рассеченного виска, он хрипло ругался, норовил подняться. Но ноги его разъезжались, боец был полностью дезориентирован.

Жалостью к врагам ополченцы не страдали, особенно к тем, кто использовал в своей символике бордово-черные тона. Они оттащили выжившего «правосека» с дороги и с пристрастием допросили его.

Он не горел желанием откровенничать, но мучительная боль свое дело сделала. Парень лежал на корнях, впившихся ему в спину, обливался потом, посинел и сморщился так, как будто уже умер. Он понимал, что в живых его не оставят, но ведь и умереть можно по-разному! Болевой порог у него был явно занижен, боли солдат боялся больше всего на свете.

«Беседа» прошла продуктивно. Как ни странно, других постов в окрестностях Пастушьего не было. Следующий – в километре, но его можно обойти, если грамотно воспользоваться оврагом. В лес лучше не соваться, там навешано много всяких датчиков. Объект серьезный, но подобраться к нему можно.

Патрульная группа заступила на дежурство полчаса назад и должна нести службу до восьми утра. Так что если будут своевременно поступать доклады, то ее и не хватятся. Да даже если укропы и побеспокоятся, то что от этого изменится? САУ «Акация» прекратят обстреливать Ломов? Если вовремя проскочить, занять позицию на высоте...

Тут сработала рация, и строгий голос предложил патрулю отчитаться о несении службы.

– Все в порядке, – сдавленно сообщил боец, к горлу которого был приставлен нож.

– На троечку, – оценил Ряшин и поморщился. – Ладно, парень, что с тебя взять? Не быть тебе артистом.

Он убил бедолагу одним ударом, как и обещал. Тело офицеры прикрыли ветками. В лесу по-прежнему было тихо.

Васько связался по рации с базой.

– Шмель, это Крот, прием.

– Слушаю, Крот, – живо отозвался капитан Борис Таран.

За этим последовала условная фраза, чтобы собеседник понял, что потенциальных корректировщиков не замели, и короткий доклад.

– Рискуете, Шмель, – обдумав ситуацию, сообщил Таран. – Вы можете продержаться максимум до восьми утра, если вас не засекут на других постах. После этого за вашу жизнь я и ломаной гривны не дам. Хорошо, выкручивайтесь. Займите позицию так, чтобы вас не обнаружили. Удачи! Ждем координаты для нанесения удара. А когда начнем стрелять, сами думайте, куда спрятаться.

– Спасибо, Шмель. – Васько улыбнулся. – Вы умеете давать нужные советы и поддерживать в трудных ситуациях.

– Пошли, Серега! – Ряшин забросил на спину трофейный автомат.

– Шнурки завяжи. – Васько ухмыльнулся.

Но все благие планы рассыпались в прах, когда через двести метров они столкнулись с другим патрулем! «Правосек» соврал! Иначе откуда взялись бы эти черти?!

На дороге, еле видимой в темноте, вдруг что-то шевельнулось, и прозвучал строгий окрик:

– Стой, кто идет?

Лазутчики, не успев осмыслить положение, рассыпались по обочинам. Военный ахнул, побежал за дерево, в лунном свете мелькнул камуфляж, багрово-черный шеврон на рукаве. Черт подери, этих было больше чем трое!

– Не стреляйте, свои! – выкрикнул Васько первое, что пришло ему в голову.

«А если мы свои, то какого черта разбежались?» – мелькнула у него в голове вполне логичная мысль.

– Пароль! – прозвучало из темноты.

– А хрен его знает, мужики! – злобно выкрикнул Ряшин и стегнул по темноте короткой очередью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.